

ТУРАР
КОЖОМБЕРДИЕВ

СТИХИ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1974

**ТУРАР
КОЖОМБЕРДИЕВ**

СТИХИ

Перевод с киргизского

Кожомбердиев Т.

К58 Стихи. Пер. с киргиз. М., «Молодая гвардия», 1974.

80 с. 10 000 экз.

Киргизский поэт Турар Кожомбердиев родился 22 июня 1941 года в селе Сары-Булак Калининского района Киргизской ССР. Отец поэта — табунщик. Турар учился в школе, сначала в Сары-Булаке, потом во Фрунзе. На лето приезжал на высокогорные пастбища Сусамыра, помогал отцу пасти коней. Школу окончил в 1959 году. Тогда же в «Мугалимдер газетасы» («Учительская газета») напечатал первое стихотворение. С тех пор опубликовал несколько книг стихов на родном языке и две книжки стихов для детей на русском языке. Печатался во многих центральных газетах («Известия», «Комсомольская правда», «Неделя») и журналах («Дружба народов», «Знамя», «Огонек», «Мурзилка», «Костер»).

В 1968 году заочно окончил Киргизский государственный университет. Стихи Т. Кожомбердиева удостоены премии Ленинского комсомола Киргизии.

В настоящий сборник вошли стихи о тружениках колхозных пастбищ, о Родине, о братстве народов.

С(Кирг)2

К $\frac{70403-266}{078(02)-74}$ 262—74

© Перевод с киргизского, издательство «Молодая гвардия», 1974 г.

КОСТЕР

Я вывернул все карманы в поисках спички,
я потерял надежду,
я на ветру продрог.
И вот одна отыскалась...
И я, по старой привычке
ее заслонив ладонями,
отвернувшись от ветра, зажег.

Взлетело, как бабочка, пламя —
и отступила вьюга,
холод нехотя стал отползать от огня...
Как будто ко мне прикоснулась
теплая рука друга.
Огненно-красное пламя согрело сразу меня.

Это языки пламени или тюльпаны
вокруг расцветают?
Холодные брызги в пламя сыплет мороз.
И медленно к пламени
ночная тьма подползает
и вновь отползает, виляя хвостом,
как заблудившийся пес.

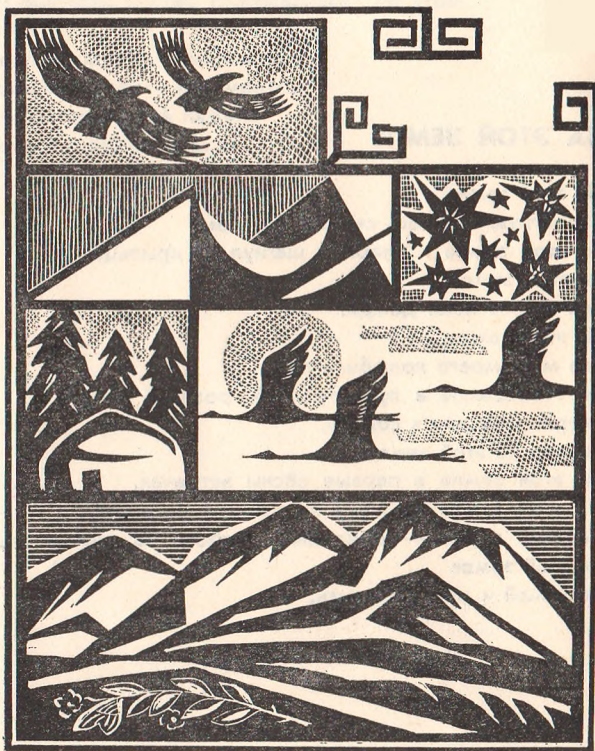
Опадают листья пламени
на дымные ветви,
треском искр костер разговаривает до утра.

Потухший костер — забвение.
Горящий костер — бессмертье.
Глазами нетленной памяти
смотрят глаза костра...

НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ

На этой земле,
вздрагнув, забилося сердце в груди,
по этой земле я впервые шагнул от крыльца,
на этой земле,
где летние льют дожди.
На этой земле,
где мать моего полюбила отца.
На этой земле в предутренней, розовой мгле
впервые увидел я солнце,
увидел на этой земле.
На этой земле я первые вёсны встречал.
На этой земле лепешку за пазухой согревал.
На этой земле — одна лишь любовь на всю жизнь,
на этой земле
отец мой и мать родились.

РОДИНЕ

Я лук собирал на склонах крутых,
я рвал в горах козелец,
всей жизнью твой — на землю твою я не упал с небес.
И для меня святая навек каждая в поле пядь,
так, что боюсь на нее ногой я иногда ступить.

И счастлив я, что ты навсегда
в сердце мое вошла,
я счастлив, что думаю о тебе,
что ты меня вдаль вела.
Пугаюсь, когда мне кажется вдруг,
что больно сделал тебе.
Ты ливнем идешь, ты звонкой строкой идешь по моей
судьбе.

И я перевалы перехожу и реки перехожу,
и мысль о тебе, и песнь о тебе, как знамя, в сердце
держу.

И горсть земли, что взял у тебя, в сердце мое стучит,
и кажется мне — как птенец она,
вот-вот и с руки взлетит!..

ЦАРСТВУЕТ ВЕСНА

Беспрерывно гром гремит. Царствует весна.
Из-под кованых копыт вылетают камни.
Круп блестит, слепя глаза,
У лихого скакуна;
У табунщика колпак, крытый облаками.

Три джигита молодых громко спорят позади,
Повторяет этот спор, этот крик округа.
Бьют друг друга по спине, — ну, попробуй усиди! —
Наседают сгоряча в споре друг на друга.

А на лицах молодых —
Глянь! — весна гнездо свила.
Невозможно юность их, силу их измерить,
И от хохота ребят сотрясается скала,
Молодая сила их в старость дряхлую не верит!

Молний сверк.
И кровь бурлит — это царствует весна,
Из-под кованых копыт — камни, словно пули.
Белая звезда во лбу — у лихого скакуна,
И табунщик опьянен —
Ждут его в ауле!..

ГОРИЗОНТЫ ПРИБЛИЖАЮТСЯ

В мире много коней —
за года не сочтешь табуны.
И копыта стучат — быстроногие мчат скакуны.
Кони мчатся лихие, но всех впереди аргамак,
впереди он маячит,
рыже-огнённый, словно маяк.

Аргамак все быстрее, оставляя коней позади.
Стук тяжелых копыт отдается, как песня в груди.
Миг — и вырастут крылья!
И не скачка уже, а полет —
конь серебряной челкой голубой горизонт прочеркнет.

В состязанье нельзя отставать.
И высокая, будто волна,
подо мною играет крутая спина скакуна.
Конь летит словно птица —
льется грива его словно дождь.
Разве быструю молнию камчой на лету подстегнешь?

Аргамак мой несется — и соперники все позади,
и победная песня
рождается громко в груди.

Только ветер-соперник,
вырывает из рук он камчу.
Вновь скачок и скачок —
и вот-вот в горизонт я влечу!

РУКИ

Когда на нашу землю пришел
враг и обрек на муки,
взяли тогда за горло его
железные наши руки.

Эти руки когда-то давно
держались за юбку бабки,
эти руки под крики ребят
люто играли в бабки.

Эти руки кололи дрова,
воду домой носили,
эти руки косили траву,
фашистов в бою косили.

Эти руки воздвигли дома,
их наполнили светом,
эти руки взрывали гранит,
путь изменяли рекам.

Это они для тебя цветы
во поле собирали,
это они выпекали хлеб,
детей своих пеленали.

Славлю руки чабанов,
пахарей
и ткачей —
руки, что поднимали меч
и поднимают детей!

Эти руки поднимали кирку,
бокал с вином поднимали,
седую голову мудреца
бережно подпирали,

того мудреца, что приравнял
к солнцу родную землю,
того мудреца, которому я,
словно пророку, внемлю.

Крепко поддерживают меня
руки страны моей,
руки белые, руки черные —
это руки друзей!..

Эти руки на лице твоём
все морщинки расправят,
эти руки в песне простой
счастье твоё прославят.

* * *

В грозные годы войны
иссякли глаза мои
ради народа.

(Из разговора
с солдатом)

Не слышал он пули, но вдруг
очутился впотьмах:
два солнца потухли,
два солнца потухли в зрачках.
Как будто ему внезапно сменили зрачки —
мелодию света вести перестали смычки...

Но он, устремленный вперед,
от жизни не отстает!
Его богатырская музыка за руки тихо берет.
И музыка эта глаза заменила ему.
И лучше, чем зрячий,
путь песни он видит сквозь тьму.

Ударила пуля. Погасли изюминки глаз —
и свет на лице двух солнц животворных погас.
Подарят мелодию девушки. И он, улыбаясь, вздохнет,
как самое красное яблоко,
он в зрачие руки возьмет.

* * *

Падал снег в тот день, как из прорвы —
вьюга гудела,
верхушки деревьев хлестала снегами,
и земля под вьюгой той пламенела,
и ночь наступала с темными облаками...

Я раскрылся,
словно увидевший солнце цветок,
ты же хмурой осталась — и я одинок!

Я был светлым и чистым, как луч забелевшего дня.
Ты же пыльною вьюгой
обдала беспощадно меня.

Прощались, в снегах оставляя следы,
и снег натянул завесу вдруг между нами.
И рядом со светом —
упавшей на вьюгу звезды —
падал снег, белый снег — над кленами и дубами.

* * *

Вот крыльями ветер валя,
Летит журавлей вереница,
И стала крылом журавля
Вновь прожитой жизни страница.

Вновь капелька жизни моей
В былое бесследно упала
И к крыльям тугим журавлей,
Летающих по небу, припала.

Поклон журавлю в вышине!
Машу своей жизни рукою,
Ведь в новой одежде ко мне
Она возвратится весною...

ЦВЕТЫ НА ОКНЕ

Помнишь ли зимние ночи в белом, холодном сне?
Голоса льдинок, что утром дарила береза?
А когда просыпались,
то видели на окне
белые цветы Деда Мороза.

Из-за гор, из-за полей,
сквозь розовую зарю солнце вставало,
задевая лучами за вишенку.
А я восхищенно, а я, удивляясь, смотрю,
стараюсь мир разглядеть
сквозь оконную вышивку.

Осыпается иней, как одуванчики над дорогой,
мороз и вьюга сугробы везде намечают.
Обожди! Рукою окошко не трогай —
иначе сотрутся следы и рисунок растает.

Вот я рукою провел по окну —
и в просвет
сквозь мороза прозрачный иней
увидел твое лицо,
твои глаза, твой силуэт —
увидел тебя в дали непостижимо синей.

* * *

Отчего весною кони на пастбищах ржут,
отчего молодеют старухи,
сияя улыбкой?

Отчего ребятишки на пригорки бегут,
когда весны приходят
и дождик торопится сыпкий?

Отчего же смеются красавицы,
глаза раскрывая весне?

Отчего джигиты к ним приходят
молодые во сне?

Отчего же все парни весной пересмешники
и о том, что весна наступила,
первыми знают подснежники?..

* * *

Обагрив в небе облака,
солнечная льется позолота.
И цветок похож на мотылька
в вечном ожидании полета.

Запах мяты,
запахи джиды
над землей ковровою летают,
серый камень резвые дожди
мягкими копытцами лягают.

Шелковые свисли рукава
облаков
под синевою вязкой,
горы вымыл дождик... Но трава
снова блещет августовской краской...

В дождевой, стремительной пыли
тот цветок цветет
все непокорней,
а ведь держит только горсть земли,
только горстка тоненькие корни!

Я — СЫН ГОР

Я родился в горах, где живет рядом с громом метель,
я в горах оперился,
как дерево звонкой листвою.

Мать кормила меня в седле. Мать возила мою
колыбель
пела песни, склонившись в седле надо мною.

Собирал я в карманы разноцветие горных камней,
усмирял стригунков непокорных —
как нравилось делать мне это!

А когда в небе месяц выводил хороводы огней,
я просил, чтоб отец
доставал их, как ягоды, с неба.

Только где-то за дверью без усталости тянется вой,
в юрту нос свой сует
то ли волк, то ли лютая вьюга.

Я учился скакать на конях с колыбели самой,
я привык проверять, крепки ли седло и подпруга.

Перед праздником я трехлеток любил объезжать,
по широким ущельям
звон тяжелых копыт раздавался.

И в обнимку с бураном
я привык на снегу засыпать,
возле теплого бока своего скакуна согревался.

Я родился в горах, где живет рядом с громом метель,
я в горах оперился,
как дерево звонкой листвою.
Мать кормила меня в седле, мать возила мою
колыбель,
пела песню, склонившись в седле надо мною...

* * *

Залило солнце кумачом вершинные снега,
а лето знойное внизу
ведет счет изобилью,
и беркут точкой небольшой вписался в облака
и распластал по высоте стремительные крылья.

И, как прощальное письмо, из осени багряной
плывет по ветру желтый лист и гаснет вдалеке,
и звезды в небе выступают
в дали небес туманной,
как будто лютики большие на медленной реке...

* * *

Поднимается утро
с каймой голубою,
без единой морщинки на белом лбу,
и песню поднял
жаворонок над собою,
звонкую песню
про свою судьбу.

И сразу листвою брызнула завязь,
лишь только песня
на ультракороткой волне
повисла в утренней вышине —
и полетела
над землей,
рассыпаясь.

Маленький жаворонок ветер глотает,
как будто чистые зернышки
ячменя,
и ветер его изнутри поднимает,
да так,
что песня сама несется
звения!

Качается песня в небе, как маятник,
и вся земля качается
 под острым его крылом.
Как вмещает он,
 хрупкий и маленький,
столько мелодий
 в крохотном сердце своем?

Эхо песни летит от горы до горы —
дальнее, долгое летит, не кончается...
Встав ночью, караванщики
верблюдам кладут тюки на горбы —
и караван вслед за песней в степи закачается.

И след верблюжий на серых песках высыхает,
и ночные солнца встают надо мной,
и сердце тяжестью песенной набухает,
тяжелою,
как будто шар земной.

ЦЕЛЬ

Не страшась ни засухи, ни буйных вьюг,
даже не надеясь в душе на чудо,
цель моя в полете.
И если вдруг
свалишься — то лучше падать с верблюда.
Много еще вызнать мне предстоит —
молния сверкает, гром гремит!
Но, пробив навывлет степь и моря,
сквозь метель несется цель моя!
Там корчует камни — струится пот,
там ягнят считает, овец пасет,
где-то переходит пороги вброд.
Цель моя, прихрамывая, идет вперед.
Не страшны в дороге ни холод, ни зной,
даже если некуда ступить ногой.
Спит порой на камне, порой — без сна;
в прядях ее черных блестит седина.
То порой богата, то пуст карман,
превращает горы в дым и туман.
Все вперед стремится, ни разу — вспять!
Словно даль степную,
ее не догнать!

ВЫСОТА

Ты крутая вершина, где солнце стоит всегда,
даже могучий беркут не долетит сюда —
и на земле твердыни, наверное, не найдешь,
чтоб ее не пронзило
твое острие, высота.

Ты — птица тысячеголосая, о чем ты поешь, о чем?
Стоишь в вышине,
покрытая солнечным кумачом.
Когда на тебя, вершина, снизу бросаю взгляд,
шапка моя слетает,
как будто сбита мечом.

* * *

Песня ливнем сердце застиляет,
ночь к горам приклеилась... И вот
сердце мое тает, ввысь взлетает —
жаворонок ранний поздравляет
песней — белый, как снега, восход.

Пахнет за окном землей зеленой...
Стих ложится ливнем на листе.
Предо мной графин воды студеной,
и светлеет от строки каленой
белый отблеск на моем лице.

Пусть умру,
пусть буду на чужбине,
нет земли родной дорожке мне.
Был вчера мальчишкою, а ныне
я живу с тревогою о сыне,
с тихою заботой о жене.

Песня ливнем сердце застиляет,
ночь к горам
прижала свою тень.
Небо пополам — и поздравляет
жаворонок звонкий
новый день.

ОТЕЦ КАЗАЛСЯ СОЛНЦЕМ МНЕ...

Силуэт его я вижу неизменно:
ведь когда-то был отцу я до колена.
Все как в сказке.
А из сказки в быль как в омут —
мир тогда ковром был шелковым обернут.

Мы с отцом орехи камнем разбивали,
мы на сене луговинном засыпали.
И за плугом
целиной шагали горной —
искры белые светлели в глине черной.
И, как камни, затвердевшие лепешки
мы жевали, уплетали с ним до крошки.

Сон!

Отец своих лошадок погонял,
по колени в теплой глине увязал.
Много ль нужно босоногой ребятне?
Мой отец тогда казался солнцем мне.
Силуэт его я вижу неизменно,
был тогда отцу я ростом до колена...

ПОЭТЫ

I

Снова грохочут грома в крови моей,
молнии блещут — острое на острое.
Я тоскую по этой поре все сильней и сильней.
Я ждал
целую вечность ее.
Теперь, став облаком,
машу я крылом
белым, как гусей отлетная грусть.
Теперь я извергаюсь на землю дождем,
пока до последней капли
не прольюсь.

II

Когда я пишу стихи,
кажется: подымается солнце,
и блестит у ручьев песчаное донце,
и зеленеют травы и мхи —
и вижу я далеко-далеко,
и дышу глубоко-глубоко,
и только утро вдали проснется,
и день позовут к себе петухи,
мне снова светло,
мне снова легко...
Когда я пишу стихи.

Когда я пишу стихи,
то веет бодрящий ветер,
и прозрачно свисают ветви,
и капельки звонко падают с крыш,
и смеется мой беззубый малыш,
и день смеется, и даль близка,
и седина
оттаивает у виска,
и слепой вспоминает о свете,
и глухой вспоминает издалека,
что есть на планете тишь,
и влажные молчаливые лопухи,
и позванивающие по волне сети...
когда я пишу стихи.

Когда я не пишу стихов,
в груди у меня смутно и зыбко,
словно в ней мечется, ослеплена,
изнемогающая в сетях рыбка.
И словно меня качает волна —
и гаснут глаза,
и гаснет улыбка,
и я пустоту ощущаю слов,
как без смычка оглохшая скрипка,
когда я не пишу стихов.

Когда я стихов не пишу,
то кажется, что не живу, не дышу,
и никуда, как встарь, не спешу,
и нет больше ночи и дня,

и горькая жажда мучит меня,
и в колыбельке мой мальчик
тянет руки ко мне — и плачет,
словно помочь мне желает.
И сердце само по себе сгорает,
когда я его не бужу,
когда я стихов не пишу...

Если бы каждое слово поэта
ждали, как в сумерках
ждут рассвета,
как ждут горячего хлеба...
Если бы ждали слова поэта,
как ждут
заревого, синего неба,
ясного неба хотя бы на миг!
О, если каждое слово поэта
грело друзей, грело родных,
и, слушая накаленный любовью стих,
медленно нагревалась планета...

Если бы каждое слово его,
как колокол, в сердце чужом гудело.
если бы каждое слово его
делать счастье людям умело!
Если бы с неба заря не сходила,
и даль в дорогу не только б звала,
и вечно душа влюбленной была...

Если бы каждое слово акына
ждали,

как ждут из скитания сына,
как ждут влюбленных из долгих разлук,
как ждет плывущих спасательный круг,
если бы...
если бы...
если бы...

* * *

Я с сенокоса, с поля
в потемках уже вернулся:
в теле моем усталость ни капельки не стихает.
Только слегка вздремнулось — тут же опять проснулся:
слышу — вода стекает,
с навеса вода стекает...

Мысленно разбудил я в сердце своем былое,
мысленно проиграл я
музыку дня былого.
Вновь обвила любимая шею мою рукою
и что-то тихое-тихое шепчет мне в ухо снова.

Дождь как струна мандолины —
чем он меня обрадует?
Дороже целого века стало мгновенье:
и на плечо мне левое
черные волосы падают, падают,
от их нежнейшего запаха чувствую я опьяненье.

Ветер гудит у юрты,
как тысяченогая конница,
веревки трещат, как снасти,
сорваны с места камни!

Не сплю я... Меня истачивает по капле моя бессонница,
и прошлое просачивается в сердце мое по капле.

Я знаю, что не вернулись
с охоты еще звероловы.

Слышится голос табунщика на белоснежном гребне.
И, как урюк тяжелый, упавший с ветки тяжелой,
ударит по крыше юрты
дождь каплей своей последней...

* * *

Вновь пламенеют горы у входа в гнездовые солнца,
и снова, увидев это, сердце мое проснется.
Я мчусь на коне строптивом,
запорошенный пылью —
четыре летят подковы, а кажется — это крылья.

С места в карьер — и скачке трудно остановиться.
Ветер к земле пригибается, как под дождем пшеница.
И облака по небу гривою развеваются,
ниточками и ленточками, косичками разливаются.

И я вперед устремляюсь, только вперед — всем телом.
Дым вдали рассыпается, хвостом развеваясь белым.
Вот юрты — белые точки; вот белые точки — сакли
в ущелье переливаются, как молочные капли...

* * *

Разлился над нашей юртой, как перьев совиных пучок,
над девичьей праздничной шапочкой — тонкий,
сквозной дымок.

И я слагаю баллады из ветра и тишины —
и в сердце звучат рулады зеленопламенных строк.

Окрасил пурпуром запад, окрасил густо закат
белые рубашонки у всех аульских ребят.
И тонкими голосами свирелей где-то вдали
верхушки у ив плакучих в такт тишине звенят.

Расплылись красные краски по западной стороне,
контуры гор растворяются по снеговой вышине.
Перебирают ногами резвые стригунки,
песня ветра и девушек висит на звонкой струне.

Греет о белое облако луна пожелтевший бок,
молоденькая и тонкая, как в степи стригунок.
Слушает, слушает горы чуткое сердце мое,
выстиранное мелодиями, как расписной платок.

КОГДА УСТРЕМЛЯЮ ВЗГЛЯД

Когда на горы устремляю взгляд,
То кровь во мне киргизская играет.
Везде в ночи светильники горят,
И облако у юрты отдыхает.

Лик неба ясен от зажженных звезд,
Они свисают в озеро, как гроздь
Смородины — сморила звезды дрема,
Гроза блеснет —
Погаснут возле грома.

Дым можжевельника за пазуху течет,
Врачует сердце мне он,
Как лекарство.
Прикладываясь к сини,
В небосвод
Взлетают искры — плоть рябины красной.

Когда на горы устремляю взгляд,
То кровь во мне киргизская играет.
Везде в ночи светильники горят,
И облако у юрты отдыхает...

РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Ты, как окно — всего одно окно, раскрытое туда,
Откуда на землю глядит далекая звезда.

Ты — только точка, может быть,
Вселенского огня,
Но из нее живая кровь вливается в меня!

Ты только дерево одно — и больше нет других!
И все ж вселенная лежит вся на плечах твоих.
Ты — только малое яйцо. Но в нем таится жизнь —
И беркутенок из него уже стремится ввысь.

Ты — в чистом поле, может быть, былиночка одна,
Но распилить сумеет сталь каленую она!
Ты — только капелька одна среди бесконечных вод:
Когда от жажды задохнусь —
Она мне жизнь вернет!

МЫ ОТКОЧЕВАЛИ

Из аила Токойлук мы с зарей откочевали,
К полночи остановились у остуженных хребтов,
И пока верблюды наши сладкий горный лук жевали,
Сняли мы тюки тугие с их натруженных горбов...

Мы сечем сухие сучья и колючки топорами,
Так сечем густой кустарник, что летят все щепки прочь,
А озябнувшие дети греют руки над кострами,
Тоненькое, как иголлка, прошивает пламя ночь.

И сосульками с лепешек густо капает сметана,
И грызет с веселым хрустом стрелки лука детвора.
Приглашая нас, усталых, поскорее к достархану —
Забурлил, забулькал чайник вдруг над пламенем
костра.

Душу мысли наполняют,
Зреет песенное слово...
И кабан тяжелолобый раздвигает камыши.
Смотрят блеющие овцы удивленно, бестолково,
Как летят и гаснут искры, как горит костер в тиши.

Дремлют все: верблюд двугорбый,
И ягненок, и собака,
И лежащие вповалку ребятишки-шалуны...

Тишина и безмятежность,
И луга, как белый сахар,
До рассвета осушают молоко степной луны.

Но вовеки не сотрется в сердце память о джайлоо,
Звонкий голос козодоя, полный песенной тоски.
Остывающие угли
Среди сумрака ночного
Мне не раз еще напомнят красной розы лепестки.

ЖИВАЯ СКАЛА

С. Каралаеву

Я видел — великан гору с горой сдвигал;
Я видел — великан волну с волной сливал,
Я видел, как в своей ладони великан,
Играючись, сжимал огромный океан.

И океан вместил он в океанью грудь,
И может словом он скалу с пути спихнуть.
Жена как океан, и дети — океан,
И океан в горсти — не зря он великан!
И сушь, и вышина, и ведь ему малы.
Садятся облака на грудь живой скалы,
Умеет говорить бесстрашно великан,
Как океан,
В себя впитавший океан!

АЛА-ТОО

Синие свои вершины,
Что снегами зажжены,
Ала-Тоо древний точит
О тугой брусок луны.

У гнездовой беркутиных
Голубой висит зенит,
И вершина ледяная,
Словно зеркало, блестит.

Что за сила, что за чудо
Скрыты в недрах древних скал!
Вся земля тебе открыта —
Лишь взойдешь на перевал.

Крылья легкие простерли
Во все небо облака,
Остывают на вершинах
Неподвижные снега.

На твоих зеленых склонах —
Неразбуженная тишь,
Для табунщиков влюбленных
Ты тепло костров хранишь.

Ты свои меняешь краски,
Ала-Тоо, каждый миг,
И растут густые сосны
В падах каменных твоих.

Не страшась обвалов грозных,
Ни метели, ни снегов,
Согревал в своих объятьях
Ты продрогших чабанов.

Ты уснешь, считая звезды,
Слыша в сердце доброту,
Так и кажется — создали
Сами горы красоту.

* * *

Пришла зима, погасли все цветы,
все скрылось у сугробов под пятою,
повсюду увядания следы,
и лишь арча осталась молодой.

Теперь уже — на зимнем берегу,
метет не медью — вьюгою каленой,
и лишь арча и в ливень, и в пургу,
и в летний зной стоит в листве зеленой.

Все выдержит — и засуху, и снег,
зимой такая точно, как и летом,
стоит арча прямая,
смотрит вверх,
судьбой своею схожая с поэтом.

Пускай мороза острые мечи
не вложены в серебряные ножны.
Но тот же лик открытый у арчи,
и жизнь ее как песни путь тревожный!

ДЕТИ ГОР

Дети гор,
они крепки, как горы,
распахнули звездные просторы.
Возле неба их лежит страна,
рядом с ними — солнце и луна.

Облака лежат на гребнях скал,
уползает день за перевал,
за вершины острые,
за синь
уползает летняя теплынь.

Даль глуха от грохота и звона,
чья-то юность вниз бежит со склона
Солнышко я кончиком мизинца
достаю... снег рядом серебрится.
Молодую праздную весну
просят дети гор: — Подай звезду!

ИССЫК-КУЛЬ

Лицо твое в морщинах...

Хочу я одного:

прислушиваться к стуку лишь сердца твоего.

И молнии, что в августе грозой раскалены,
в крови моей стремительной тобой растворены.

Над кромкою прибоя, стремительны, легки,
подскакивают чайки, как будто угольки.
Волнуется, качается мой Иссик-Куль всю ночь,
качается, старается мне сердце истолочь.

Качается — то яростно,
то снова тихим став —
из радостного смеха сплетен, как видно, нрав.

С ним не могу расстаться.
Бушует, разъярен,
как будто сердце с корнем сейчас мне вырвет он.

АРЧОВАЯ КОЛЫБЕЛЬ

Настежь распахнуто сердце,
распахнуто, словно дверь.
Приходят телеграммы, справляю я торжество.
Сон навевает сыну арчовая колыбель,
в которой еще до меня
бабушка
качала отца моего.
Я приглашаю весь город:
в гости ко мне приходите,
поздравьте меня, руку пожмите,
крепче меня обнимите!
Сын у меня родился!
Слышите, сын у меня родился!

Настежь распахнуто сердце,
распахнуто, словно дверь.
Сон навевает сыну
скрипучая арчовая колыбель,
та колыбель, где когда-то качали меня.
И теперь от прикосновенья руки,
как скрипка,
поет
арчовая колыбель!..

ОБЛАКА

Легли они на склоны не спеша,
за пазухою молнию держа.

От облака хочу отрезать клок,
чтоб подарить любимой на платок!

Пасутся на вершинах, на виду —
и ветер держит их на поводу.

Мостом между вершинами лежат,
в подола завернув тяжелый град.

* * *

Время перелистало множество дней.
В белых тюбетейках
деревья я не забуду:
в тот год прозвучала ты песней в душе моей,
и все, что случилось со мной,
все это подобно чуду.

Ты цвела, ты пьянила меня, как вино,
веселая пересмешница в шелковом платье,
и я смотрел в твое — за тополями окно
и ждал, что в нем восход
сам собой обозначится.

Нет, не забыл я этого.
Пересилит память разлуки,
хоть горечь легла на сердце, что дней тех кончился
срок.

И я в тулупе стою,
отогревая дыханьем руки,
и снова со звоном летит в окно мой снежок...

ГДЕ ТЫ?

Уже давно влилась в меня печаль,
и кажется,
что тело — из огня,
ты кажешься далекой, словно даль,
а может, в трех шагах ты от меня?

Я не могу вернуться — и ропщу,
желанное я сердце не зажег,
печалюсь я, страдаю и ищу,
хотя костра любви зажечь не смог.

Какая польза в радости моей,
как выход я найду из маеты?
Тебя ищу. Так отзовись скорей!
Хочу я знать — откуда ты?
Где ты?

Где ты, огонь, пылающий на льду?
Та, без кого нет жизни мне и дня!
Тебя ищу и помню, как в бреду, —
ты молния,
вошедшая в меня!

* * *

С раскрывшимся подснежником сравню тебя, дорогую.
«Глаза как звезды!» —

это о тебе было сказано-пересказано.

Девушки разбегались от такого, как я, врассыпную.

И только ты почему-то ко мне

всем сердцем была привязана.

Сколько чувств прошло, пролетело по бездорожью
и сколько напрасно погибло!

Душа привыкла к гомону.

Сестричка,

правда моя для тебя стала хитрою ложью.

И тоже, как ты, опускаю

свою виноватую голову...

Тебя люблю и тебя ревную, жестоко ревную.

Чувство мое! Неужели растрачу за так его?

Сестричка, прости,

что называл дорогою другую,

ведь невозможно любить одиночеством

вас одинаково!

С раскрывшимся подснежником сравню тебя, дорогую.

«Глаза как звезды!» —

это о тебе было сказано-пересказано.

Девушки разбегались от такого, как я, врассыпную,

и только ты почему-то ко мне

всем сердцем была привязана...

* * *

Вхожу в надежды сад,
как в отчий дом, —
а образ твой в моих глазах стоит.
И, отражаясь солнечным лучом
в зрачках моих,
мне душу бередит.

И рад я,
что горю в твоём огне!
Ради того,
чтоб в нём сгореть и мне.
Чтобы обнять тебя, одолевал
в любви за перевалом перевал.

Дарю тебе я этот белый день,
я все дарю тебе,
чем дорожу.
Держу своё я сердце, как мишень,
под стрелами очей твоих держу...

ВЗГЛЯД

Кто говорит о том,
что прожитое стирается?
Нахлынут воспоминанья — в руке пиала качается,
и взгляд твой в последний раз не повторится заново,
бессмертие он обещал всему, что навеки кануло.

А в горле моем комок, и руки вниз опускаются.
Воспоминаний клубок
медленно распускается.
Вдруг выплесну со слезой, с горькой слезой щемящей
тот образ, что помню я,
тот образ, в зрачке дрожащий?..

Что же ты угасла? Что взметнулась ввысь?
В сердце моем песня эта навсегда...

Ночь многоголосая льется, как вода,
Льется, проливается,
Все сильнее сгущается,
Запахами волглыми ветру отзывается.
В эту ночь весеннюю у любви, оказывается,
Золотые почки
накрепко завязываются...

Я ВСПОМИНАЮ

Звезды считая весеннею ночью глухою,
я вспоминаю.

Даже тогда, когда вытаят над головою,
я вспоминаю.

Это в глазах восхищенных моих светятся
вспоминанья.

Утро мое, я смотрю на тебя. Я хочу с тобой
встретиться раннею ранью.

В сторону, где ты живешь, протяну свою руку,
Взглядом своим просверлил я путь сквозь разлуку.
Все я достигну, покамест ты рядом со мною,
Все совершу, что когда-то считал я мечтою.

Я то как рыба на жарком песке, у прибоя,
То — перезревшее яблоко, полное летнего зноя.
Может, забудешь меня — и вновь одиноким я буду,
Только тебя я, как звезды, вовек не забуду!..

* * *

Ты для кого-то, может быть, иная,
а для меня — скала ты ледяная.

Глава твоя — под облачным покровом,
и холод твой не отогреть мне словом.
Ты холодна — объятья ль раскрываю,
целую ли,
иль слезы проливаю.

А если буду месяцы и годы
тебе дождем весенней непогоды,
возможно, станет грусть твоя живою
и прорастет сквозь холод твой травую...

И ты услышишь, как тебя целую,
как солнце льет сквозь тучу дождевую...

* * *

До наступления ночи остался всего лишь шаг —
летучая мышь, друг ночи,
уже прозрела впотьмах.

Померкли давно вершины,
померкли костры снегов,
потухли во тьме березы
около облаков.

Слышно «ку-ку» кукушки, аккордеона звук —
деревья (сирень и акация)
ночь собирает в круг.

Скучаю, как по любимой,
тебя ожидаю я,
с запахом юных листьев
весенняя ночь моя.

Ночь — в пути,
ночь проходит — за нею идет роса.
На ноты бессонниц настроены
соловьиные голоса.

Где-то вдали над вершинами,
возле звезд и луны,

молния начинается,
падает на валуны.

Песня,
девичья песня зовет меня на ночлег,
в кровати моей продолжает
девичья песня свой бег.

А ночь все сильнее сгущается,
а ветер течет сильнее
с запахами тюльпанов, с запахами тополей.

Ветер пропах цветами,
ветер уходит прочь.
Почки любви набухают
в эту звонкую ночь...

* * *

Бессонницу мою подкарауля,
меня заставил вздрогнуть мрак ночной,
где через космос,
как большая пуля,
летит,
летит, вращаясь,
шар земной.

А в этот миг
пируют где-то гости,
и сирота с протянутой рукой
на холоду жестоком хлеба просит,
и мечется в глухом бреду больной.

А где-то ждут зарю,
а где-то, где-то
от песни ждут хулы иль похвалы.
А где-то, сединой годов одеты,
сидят орлы,
вкогтясь в гранит скалы.

А где-то волки рыщут вслед за выюгой —
тоскою смертной захлебнулся крик.

А где-то ребятишки
друг за другом
бегут к речушке горной
напрямик.

А где-то возле печки мать хлопочет
и чинит возчик колесо арбы,
а где-то караванщики,
встав ночью,
кладут тюки верблюдам на горбы.

Смотрю в окно: горят ночные солнца,
они горят и гаснут надо мной...
И все сильнее сердце бьется,
бьется,
тяжелое, как будто шар земной.

* * *

Кажется, камни

в воде, спотыкаясь, бегут.

Кажется,

все перевернуто в мире вверх дном.

Грохот и скрежет.

Глухой нарастающий гуд.

Это разлив...

Это ходит река ходуном!

Все же — мы люди,

мы этой напасти сильнее!..

Через поток,

сквозь его ледяную пыльцу

тяжких верблюдов,

навьюченных тяжело коней —

все, как пушинку, я весело перенесу!

Путь мой

рассветными росами запылён,

юности ветер

к моей припадает груди.

Я, как меч боевой, обнажен.

Умер мой страх —

и

любовь меня ждет впереди.

* * *

Холодная луна во мгле белеет,
среди ночных берез шуршат ручьи.

Козленок, он отстал. Он тихо блеет.
Волк точит зубы весело в ночи.

Луна в свой бубен бьет легко и тонко,
река бесшумно падает во тьму...

Предсмертный хрип отставшего козленка
в такую ночь не слышен никому.

В бездонной тьме, как в омуте, потонет
любой намек на малую беду.

Живее кашабаш отару гонит —
он рядом, перевал Кара-Торду!

Роняет небо лунную иголку,
спят травы и ветра в немой тиши.

В глухую ночь всегда раздолье волку,
когда вокруг ни звука, ни души.

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

О, этому виденью сколько лет?!
Я в памяти упрямо берегу:

равнина,

 стужа лютая и след,
след человека в поле на снегу.

Слепящий страшный снег

стерильно чист.

Вот человек шагает.

 Шаг... Шажок...

Еще... Еще!

 Свирепой вьюги хлыст —
и на еще один ожог!

Он падает...

 Но вновь вставай, держись!
Он еле жив...

 В глазах плывут круги.
Да, странная ты штука, жизнь ..

 О жизнь!

Не прервались

 те первые шаги.

...У нас пора цветов, пора травы —
ведь столько утекло с тех пор воды!

Но память говорит мне, что живы
в снегу лилово-красные следы.

ЛЕТАЮЩЕЕ СЕРДЦЕ

Ночь уходит. Утро настает.
Взбудоражен пеньем лес зеленый,
О любви соловушка поет,
разделенной и неразделенной.

Бережит он множество сердец.
Радость, приходи!
Печаль, рассейся!
В нашу жизнь —
любовь зовет певец —
соловей,
летающее сердце!

ЛАДОНЬ

Я на ладони
поднял ввысь птенца...

Ладонь,
гнездом ты стала,
птичьим домом!

А мир — вокруг! И дали без конца,
и небо с гулким куполом бездонным.
Птенец, смешной, взъерошенный, дрожал,
он жаждал взмыть навстречу солнцу, маю...
О, сколько раз в ладонях я держал
птенцов!

Считаю, не пересчитаю.
Я тихо улыбаюсь —
здесь со мной
комочек жизни, словно шар земной.

СОЛНЦЕ

Встало солнце, светит горячей,
землю влагой радостно поя...

— Чей он, свет?

— Для всех он!

— И ничей!

— Где его законные края? —

Взгляд в рассветной сини искупай,
встреть улыбкой солнечный восход...

Солнце

не скупец, не жадный бай,
мзды за свой подарок не берет.

Светит солнце!..

Весел ты и сыт,

можно сеять,

жать,

любить,

творить!

В глубине души острее стыд;
чем такой подарок одарить?

* * *

Вновь на тебя, веселую, прямую
и гордую,

гляжу, смиряя дрожь.

Мне кажется,

глаза на миг зажмурю —

ты скроешься, исчезнешь, пропадешь!

Тебе вослед опять глядят...

В смущенье

кого угодно можешь ввергнуть ты.

Ты вся —

цветов волшебное смешенье,

сплошные превращения красоты.

Сказать тебе об этом не решаюсь...

Ты — мир пунцовый,

желтый,

голубой!

Мне кажется: я зрения лишаюсь,
когда свой свет уносишь ты с собой.

* * *

Солнце тает вдалеке,
солнце тихо село.
Молодая спит в стожке.
Мятой дышит сено.
Сон — на кончиках ресниц.
Сон — в косицах шалых.
Лишь в зрачках живет огонь,
потаенно-жарок.
Пламень юности в зрачках
бедово дымится.
Зноем сморен стебелек — к ночи распрямится!
Я слегка замедлю шаг —
мягкая походка! —
ей под голову пиджак
положу тихонько.
Я шепну:
«Ты сладко спишь... Ухожу пока я...»
Ах, какая в мире тишь!
Тишина какая!..

СЛОВО О БЕССМЕРТИИ

Пусть каждая строчка моя
над жизнью,
над счастьем,
над горем
взметнется и вспыхнет,
и даль прочеркнет метеором.
Пусть каждая строчка моя
голубем мира взметнется.
Пусть сердце о выстрел споткнется,
но песня не оборвется —
вокруг параллелей земных
и экватора
пусть обовьется!
Пусть строчки мои
приникнут к земле,
как Антеи.
Пусть все на планете
уловят они,
как антенны.

Война! — в этом слове пять букв,
и каждая словно шрапнель.
На шаре земном
солдатская снова шинель.

Сердце мое,
сердце мое,
сердце мое как набат,
железное слово в сердце моем —

Бухенвальд!

Пепел людей сожженных,
ты не просто пепел и прах.
Ты — памятник непокоренности
презревших рабство
и страх!

Нас можно убить в душегубке,
лишить нас крови и сна!
Но мы — это правда!
А правда — бессмертна она!

Освенцим!

Горсточкой пепла
стала здесь чья-то жизнь —
кажется мне, что стоны
в стены эти впились!
— Слушай! —
как будто слышу погибших я голоса.
— Всматривайся! —
И в сердце нетленные смотрят глаза.
Да! Я услышал речи
всех народов земли.
О Хиросима!
Восстаешь
из пепла ты и золы!
О земля Хиросимы,

скорблю о твоей судьбе.
Радиоактивным осадком
на сердце
боль о тебе!
Память людей нерушима,
память не победить!
О люди из Хиросимы,
как из пепла вас воскресить?
Хиросима — музей невиданный
ужаса и тоски!
Как высушить, Хиросима,
радиоактивные слезы твои?
И хотя не дано погибшим
вернуться к друзьям,
к семье,
мертвые говорить умеют
памятью о себе.
Хиросима и Нагасаки —
не дано воскреснуть золе.
Два города — два гроба
стоят на вечной земле...

Хиросима и Нагасаки —
две урны, земля, твои!
Кружит земля
березы,
избы,
моря,
ручьи.

Больше чего? Океанов?
Или пролитых в скорби слез?
Мужает моя планета
среди непокорных гроз.
Или память ослепла —
в штате Невада вновь
черные тучи,
черное небо,
черный дождь как кровь...
Тучи ползут оттуда,
тучи ползут на нас.
И смерть в арсеналах копится,
копится каждый час.

Руками тысячеверстыми
я шар земной обниму
и, как цветок весенний,
к солнцу его подниму!
Бей, сердце,
бей, сердце,
как барабан, сильнее!
Сердце сильнее бомбы,
сердце грозы слышней!
Идет по земле Вьетнама,
грозно идет гроза.
Нью-Йорк,
подними перед миром
долларовые глаза!
Буквами,
большими, как континенты,

слово «БЕССМЕРТЬЕ» пишу!
Эй! Кто там Землю раскручивает,
раскручивает, как пращу?

Я аплодирую ветру,
всем пастбищам и лугам!
Стремятся наши ракеты
все дальше —
к иным мирам!
Цвета нашего знамени —
грядущего века близь.
Бессмертие — это правда.
Бессмертие — это жизнь!

Сапоги! Сапоги на армиях,
в тысячи тонн:
шаг — слезы,
шаг — стон.
Сапоги! Сапоги!
По тропам идут все лютей.
И кажется — есть сапоги.
Идут сапоги — без людей.
Сапоги.
Одни сапоги.
Сквозь пепел, сквозь пламя, сквозь мрак
туда, на Восток,
печатают бравый шаг.
И только могилы и горе
вперед на сто лет.
Шаг — в смерть. Шаг — в скорбь.

«Превыше Германии нет!»
Друг мой, товарищ,
это ты на снегу и льду
упал посреди бессмертья,
крик «Мама!» зажав во рту...
Сапоги, сапоги!
Стучат как часы сапоги.
И шаги — через юность убитых, —
шаги.
Но пули мертвы,
и осколки снарядов мертвы
перед бессмертьем солдата,
что насмерть встал у Москвы.
Бессмертье не память,
а знамя над головой.
Бессмертье — политрук,
что первым бросается в бой.
Пусть сердце о пулю споткнется,
но подвиг продолжит свой бег
к потомкам, кому не придется
падать на снег.
Но пули покамест
бегущих в атаку секут.
Мы годы перебегаем
в каких-нибудь десять секунд.
И смерть застынет морщинами
у матери возле глаз.
Нас не жалело время,
и пули не милуют нас.
И память согревается

о горькие вдовьи сны,
где до сих пор возвращаются
погибшие сыновья с войны.
Но мертвым дано на поверке
не только в снах воскресать.

Нас война не жалела,
нас жалела лишь старая мать.
Мое поколение! Равняйся
на совесть отцов своих!
Бессмертие их продолжается,
свершается каждый миг.
Шар земной, ты жизни,
ты песен всех колыбель!
Не пчелы гудят над тобой —
свистит над тобой шрапнель.
Миллионные руки надежды
в знак дружбы всем подаю.
Ткет из травы и листьев
Земля одежду свою.

Ветры шумят над веком.
Ветры лицо секут.
О нас наши песни люди
на всех языках поют.
Нас дороги зовут далеко,
сотканые из синевы.
Бессмертие — это работа!
Бессмертие — это мы!

СОДЕРЖАНИЕ

Перевод Владимира Цыбина

Костер	5
На этой земле	7
Родине	9
Царствует весна	10
Горизонты приближаются	11
Руки	13
«Не слышал он пули, но вдруг...»	15
«Падал снег в тот день, как из прорвы...»	16
«Вот крыльями ветер валя...»	17
Цветы на окне	18
«Отчего весною кони на пастбищах ржут...»	19
«Обагрив в небе облака...»	20
Я — сын гор	21
«Залило солнце кумачом вершинные снега...»	23
«Поднимается утро...»	24
Цель	26
Высота	27
«Песня ливнем сердце застилает...»	28
Отец казался солнцем мне...	29
Поэты	30
«Я с сенокоса, с поля...»	34
«Вновь пламенеют горы у входа в гнездовые солнца...»	36
«Разлился над нашей юртой, как перьев совиных пучок...»	37
Когда устремляю взгляд	38
Родной земле	39
Мы откочевали	40
Живая скала	42
Ала-Тоо	43
«Пришла зима, погасли все цветы...»	45
Дети гор	46
Иссык-Куль	47
Арчовая колыбель	48

Облака	49
«Время перелистало множество дней...»	50
Где ты?	51
«С раскрывшимся подснежником сравню тебя, дорогую...»	52
«Вхожу в надежды сад...»	53
Взгляд	54
Весенняя ночь	55
Я вспоминаю	57
«Ты для кого-то, может быть, иная...»	58
«До наступления ночи остался всего лишь шаг...»	59
«Бессонницу мою подкарауля...»	61

Перевод Алексея Зауриха

«Кажется, камни...»	63
«Холодная луна во мгле белеет...»	64
Следы на снегу	65
Летающее сердце	66
Ладонь	67
Солнце	68
«Вновь на тебя, веселую, прямую...»	69
«Солнце тает вдалеке...»	71
Слово о бессмертии. Перевод Владимира Цыбина	72

Кожомбердиев Турар

СТИХИ

Редактор **М. Беляев**

Художник **Д. Шимилис**

Художественный редактор **А. Романова**

Технический редактор **Л. Петрова**

Корректоры **Л. Четыркина, Г. Трибунская**

Сдано в набор 25/IV 1974 г. Подписано к печати 25/IX 1974 г. А01462. Формат 60×90¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 2,5 (усл. 2,5). Уч.-изд. л. 2,2. Тираж 10 000 экз. Цена 23 коп. Т. П. 1974 г., № 262. Заказ 870.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцевская, 21.

23 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ